

12+

ДОРОФЕЯ ЛАРИЧЕВА

ЭЛЬФИНИЯ
ЗАГОВОРЁННЫЕ ХОЛМЫ

Эльфиния

Дорофея Ларичева

Эльфиния. Заговорённые холмы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ларичева Д.

Эльфиния. Заговорённые холмы / Д. Ларичева — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Эльфиния)

ISBN 978-5-532-09234-1

В некоем городе живёт девятиклассник Женя. На первый взгляд живёт обычно, как все— ходит в школу, общается с друзьями, читает книги, засматривается на девочек. Но на самом деле Женя вместе со своей старшей сестрой Аней, одноклассницей Элей и личным демоном Валентином посвящён в некоторые тайны городских и лесных эльфов. На этот раз студенты-историки местного университета откопали страшный и опасный клад. Женю и друзей снова втягивают в противостояние эльфов города, леса... и холмов. Ребят ждут приключения, путешествия, загадки и новые друзья. Книга – продолжение «Эльфиния: Зачарованный город»

ISBN 978-5-532-09234-1

© Ларичева Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Август Денисович Иванов	5
Женя Шукин	7
Август Денисович Иванов	21
Ли-дви-ра	23
Женя Шукин	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дорофея Ларичева

Эльфиния. Заговорённые холмы

Август Денисович Иванов

– Я к Владыке с опасной вестью.

На пороге двухэтажного купеческого дома в старой части Города замер человек в куртке цвета хаки и глубоком капюшоне. Полминуты назад на ступени крыльца приземлился не по сезону прилетевший снегирь, а теперь вот человеком стоял, мок под октябрьским ливнем, разглядывал дом, где ни разу не приходилось бывать.

Первый этаж дома, каменный и выбеленный, второй – деревянный, выкрашенный в травянисто-зелёную краску хвастались резными наличниками и аккуратными ставенками. С перил высокого крыльца безвольно свисали высохшие лозы дикого винограда и хмеля. У двери замер деревянный конь на каталке, красный в желтых яблоках. Рука сама потянулась к позабытой игрушке, качнула.

За лакированной дверью громыхали отворяемые засовы. В доме шел праздник, смеялись люди и нелюди, мило улыбались хозяева. Людей было мало, все посвящённые, преданные Владыке до последнего вздоха.

Невидимые большинству привратники караулили у окон первого этажа. Гость чувствовал их пристальное внимание. Потому так долго не отворяют, проверяют.

Дверь распахнулась, гость вошел, вежливо кивнул высокой белокурой девушке, прошел в маленькую гостиную. Август Денисович неторопливо спускался по лестнице.

Владыка городских сложение имел плотное. Высокие залысины на висках увеличивали и без того высокий лоб. Седые волосы были аккуратно подстрижены. С первого взгляда не скажешь, что не человек.

– Идём в кабинет, – едва заглянув гостю под капюшон, скомандовал он. – Юля, – окликнул он белокурую девушку, – зови видящих и Арсения.

В кабинете не было окон, зато светлые деревянные стены покрывала тонкая резьба. Крупные торшеры в каждом углу и кремовые диваны, светлый стол делали помещение просторней и уютней.

Одна за другой вслед за гостем вошли три женщины в вечерних платьях, древняя морщинистая старуха в мрачном наряде и высокий сильный мужчина за тридцать, явно воин, и наверняка чародей. Его сила подавляла, заставляла гостя робеть, ссутулиться.

Глава городских уселся за стол. Старуха устроилась по правую руку. Видящие замерли у стен, воин – у двери.

– Говори, – Август с нетерпением вскинул голову. Редко кто отваживался отвлекать Владыку, когда тот проводил время с семьёй. – Что случилось на окраинах, пограничник?

Гость скинул капюшон, обнажая покрытое алыми и серыми перьями лицо. Перья побледили и втянулись в кожу.

– Дурные вести, – торопливо заговорил он.

Голос звенел и чирикал, но присутствующие не удивлялись.

– Проклятый артефакт желаний увидел солнечный свет. Ещё летом был разрыт курган.

Старик и его гости опасливо переглянулись.

– Кто? – требовательно спросил Владыка *городских*.

– Молодой человек. Он принёс его в город.

– Открывал? – старуха подалась вперёд.

Гость вспомнил, что она мать Владыки и зовут её Прасковьей Евграфовной. Тьма клубилась в её глубоко посаженных глазах, светлые лучики разбегались по мутно-зелёной радужке. Говорят, раньше от этого взгляда трепетал и город и лес. Но бывшая Видящая лишилась дара, когда вместе с мужем отбивала сына, похищенного *лесными*. И с тех пор ненавидела всё, что лежало за пределами города.

– Не должен, – успокоил её пограничник. – Но холмовик Фиор-ар-аи заявляет на находку своё право. Недавно он объявил себя царём лесов, полей и холмов. Инар-ши-ван, наш лесной сосед тоже требует её себе. Волшебную вещь выкопали на его земле.

Старуха отвела назад длинные пряди волос цвета «соль с перцем» и что-то тихо-тихо зашептала на ухо сыну. Август слушал, и пограничнику оставалось наблюдать сменявшие друг друга эмоции на лице Владыки: удивление, непринятие, надежда, уверенность.

Наконец глава городских легонько хлопнул ладонью по блестящей столешнице. На безымянном пальце сверкнул круглый рубин.

– Холмовики Фиора-ар-аи с середины лета нарушали границы леса Инара-ши-вана, – медленно, будто пробуя на вкус каждое слово, выговорил он. – Если усилить противостояние? Мне нужно время, чтобы находка послужила на благо города.

– Дед? – светловолосый чародей удивлённо воззрился на Владыку. – Ты готов рискнуть своим подданными?

– Нет, я готов их спасти и преумножить славу, – возразил Август. – Ядвига, – он подманил к себе одну из наряженных женщин. – Покажи мне того парня.

На макушке Видящей зашевелились волосы, и из них высунулся глаз на ножке. Третий глаз походил на хищное ядовитое растение. Он заморгал, словно хвастаясь длинными ресницами, закачался из стороны в сторону. Сама Ядвига времени даром не теряла, напевала себе под нос, открыла лежащий на столе ноутбук, включила, простёрла над ним руки, и на экране появилось чёрно-белое изображение молодого парня лет двадцати, худощавого, темноволосого, с приятным умным лицом.

– Человек, историк, – пела женщина. – Студент педагогического университета.

– А поярче картинки нет? – привередливо спросил Август.

– Прямая трансляция с камер в университете. Если надо, я покопаюсь в памяти горгулий-наблюдателей, поищу ещё, – ничуть не расстроилась Видящая. – Мы всегда можем отправить к нему наших.

– Пока не стоит. Спасибо за весть, – Август Денисович привстал из-за стола и поклонился пограничнику. – Я пришлю распоряжения.

Лицо гостя покрыли перья. Их скрыла тень глубокого капюшона. Стоило белокурой Юле открыть дверь в сад, с порога взлетел крупный снегирь.

– Книгу в любом случае отдавать, – размышлял вслух городской князь, разворачивая карту области. – Чем глубже её отнесут в Навь, тем безопасней.

– Рассорь лесных князей, отыщи тех, кто пройдёт ловушки холмовиков, – твердила ему мать. Тогда ...

– Не сглазь, – оборвал её Владыка. – Я созываю большой совет Видящих, обговорим возможные диверсии против леса и их последствия. Тогда примем решение. До конца декабря должны успеть.

Женя Щукин

Неприятности начались в тот момент, когда Анютка влюбилась. Нет, не в нашего семейного демона Валентина. Я сам удивился, узнав, что не в него. Сестра отыскала себе предмет воздыханий в институте и сразу стала «мечтательно-грустной», «задумчиво-романтической», как пишут в обожаемых ею любовных девчоночьих романах.

Она потеряла интерес к учёбе, отложила в сторону умные книги и вечерами напролёт висела в интернете, ведя переписку с кем-то нам незнакомым. Я порядком извёлся, даже Валентина замучил уговорами разузнать всё про кавалера сестры. Но демон только вернулся из трёхнедельного путешествия по миру и погрузился в свои таинственные потусторонние дела, шастал по городу, подглядывал за эльфами.

Нашего семейного демона я вызвал в конце лета на спор, чтобы доказать зазнайке Эле, внучке экстрасенса, что магии не существует. Ночью при луне прочитал заклинание из волшебной книги, назвал первое попавшееся имя из любовного романа, которыми зачитывалась моя сестрица. И нате, в комнате появился дядька с мечом, в сияющих доспехах. Я тогда чуть не умер от страха. Потом разобрался, присмотрелся, да и подружился с Валентином. Тем более он парень не плохой. Выглядит чуть старше Анютки, высокий, с гривой чёрных волнистых волос, тощий (то есть вроде не страшный), любознательный. Если бы не Валентин, я бы точно не пережил осенние приключения с эльфами.

– Что-то назревает, – предупредил он, заявившись субботним утром без приглашения. Я едва успел позавтракать и уселся за учебники.

Я не стал ему перечить, сам чувствовал перемены, как и каждый в нашей скромной компании.

С тех пор, как мы исполнили роль арбитров *городских* эльфов и остались живы, мы не утратили ни грамма наших невероятных талантов. За исключением ясновидения Анютки. Хуже того, я, например, стал чувствовать Верхний Путь ещё лучше.

К чему задирать голову и выискивать среди облаков небесную реку? В каждый миг я знал, какой её участок в этот момент особенно загружен, а по какому можно проскользнуть без пробок и ругани с обнаглевшей нечистью.

Не знаете, что такое Верхний Путь? Мы тоже не знали, пока эльфийское заклинание не выбрало нас арбитрами при подписании договора между *городом* и *лесом*. «Повезло» мне, моей сестре Ане, однокласснице Эле Тихоновой, и вызванному мною демону-защитнику, а теперь могущественному чародею Валентину. Тогда-то под действием эльфийских чар в нас проснулись особые таланты. Один из них как раз видеть Верхний и Нижний Пути – реки энергий, опоясывающие Земной шар. По этим путям активно перемещались всякие магические существа.

Отныне я тоже мог по нему путешествовать, хоть извозом занимайся или инспектором эльфийского ГИБДД работай, но с конца сентября не делал этого ни разу. Слишком много пришлось пережить. А сейчас, когда в канун Нового года городок простаивал в пробках, я всё чаще задумывался о таком способе передвижения.

Валентин выхватил у меня со стола учебник математики, без особой радости полистал его и швырнул обратно. Ему было скучно. С тех пор, как он переехал в собственную квартиру, мы виделись два-три раза в неделю, и могущественный гость не знал, куда себя деть.

Я тоже заскучал. Родители на выходные уехали к бабушке на дачу, помогали готовиться к празднику. Сестра зависала в институте. Мне компанию составляла серая наглая Мисти. Вон сушится на батарее, мурчит и кончиком хвоста шевелит.

Как же, расслабишься тут надолго! Уже через пять минут в нашу дверь постучал Август Денисович – эльф с внешностью строгого дедушки – седой, полноватый, с открытым умным

лицом и хитрыми глазами, прячущимися за очками в изящной оправе. Не дождавшись, когда ему откроют, глава *городских* эльфов ввалился в квартиру сквозь дверь и объявил:

– Твоя сестра влюбилось, и оттого у неё вскоре откроется третий глаз. Городу нужна новая Видящая, а Ане защита. Её избранник личный враг царя лесов, полей и холмов. Пощады парню не будет.

Тогда я не понял, что мы снова крупно влипли. Зато Валентин не стал церемониться, обернулся воином в сияющих доспехах, меч свой джедайский на эльфа направил. Я бы давно струсил, а старикан бровью не повёл, выдержал моральную атаку, лишь воротник дублёнки погладил и головой укоризненно покачал.

– Не шуми, чародей, у нас с тобой мир. Потому предупредить пришел по-хорошему.

– Не по-хорошему, а за Анюткой моей, – не выдержал я.

По лживости Август Денисович мог переплюнуть Вику Шелег и Надю Кушину – первых вредин нашего класса. А Валентин поверил, вернулся к своему «приличному» виду паренька-студента второго-третьего курса, черноволосого, патлатого, в вязаном свитере, в идеально отглаженных фиолетовых брюках.

– Хорошо. Ты не о местном Владыке *леса* говоришь Инар-ши-ване, верно?

– С местным мы бы договорились, – легко согласился Денисович. – Царь из тех, кого старинные предания именуют сидами, жителями лесистых холмов.

Демон заковыристо выругался.

– Самые гадкие из вас, – он даже отступил на шаг в коридор, задумчиво потёр переносицу.

Август Денисович оставил нас переваривать новость, вышел за дверь. И я знал, что не на лестничную площадку попал хитрый эльф, а в свою фотомастерскую. Нам же с Валентином предстояло выяснять подробности про Аниного кавалера.

Я потянулся к телефону и позвонил Эльке. Той всё равно нечего делать. Не поверю, что она просиживает выходной за учебниками. Наверняка, за антенну подержалась, полазила в волшебном «интернете», списала все задания и теперь скучает у телевизора. Куда ещё в метель сунешься?

Естественно, я ошибся. В трубке слышались смех, шум, музыка. Элька кому-то командовала:

– Не ставь сюда, малышня завалит!

Я терпеливо дожидался, пока она закончит строить неведомых работников и услышал участливое:

– Что случилось, Женя?

Всегда знает, с каким настроением звоню. Ведьма она и есть ведьма, тем более эльфийская.

– Денисович был. С Аней проблемы, – выпалил я на одном дыхании.

– А-а, – разочарованно протянула Эля. – Одевайся, приходи ко мне в актовый зал. Меня ёлку припахали для малышей наряжать.

Мы с Валентином переглянулись, и демон кивнул.

Оделся я быстро, всё равно долго на улице не проточу. Валентин вообще крутанулся на каблуках, и замер, демонстрируя длинную норковую шубу и высокую шапку, как купцы в древности носили. Начитался снова Анюткиных учебников истории, теперь экспериментирует. Пусть, всё равно кроме меня и Эльки в школе его никто не увидит.

Я давно привык к странностям демона-защитника, поэтому просто взял его за руку и провёл быстрым путём через дверь прихожей напрямик в школьную подсобку при спортзале.

Вот так сразу, свернув в рулон пространство, мы проткнули его как иглой и вынырнули в частоколе лыж и лыжных палок, свёрнутых матов и гимнастических ковриков, прочей физ-

культурной ерунды. Сегодня здесь было тихо и пусто, даже пахло вполне свежо – только пылью и резиной. Все энтузиасты здорового образа жизни в метель сидели по домам.

Но школа наполнилась предновогодней суетой. Украшали классы, работали кружки рукоделия, шли занятия для отстающих. А на третьем этаже в актовом зале наряжали ёлку. К процессу подошли массово.

Пятиклашки что-то рисовали на ватмане, усевшись прямо на полу. Все перемазанные гуашью, но довольные, они весело щебетали, норовили творчески раскрасить ближнего, и сейчас походили на воинствующее туземное племя перед битвой.

Седьмой класс под руководством Нади Кушиной расклеивал на окнах снежинки и поздравления для учителей, толкался, шутил, сплетничал.

– Шука, ты же столько сил приложил, чтобы отмазаться! – в дверях за спиной нарисовалась Язва. Валентин обошел её вокруг, разглядывая звёзчатый колпак астронома на белокурой голове нашей Светки – «Я Знаю Всё» и насмешливо сощурился.

– Совесть замучила, – через плечо бросила красавица Надя. – Или без невесты соскучился? – подколола она, кокетливо поправляя накрученные короткие волосы.

Я промолчал. Нас с Элькой с первого сентября «поженили», хотя на людях Тихонова чаще тусовалась с ролевиками, а вот за партой продолжала сидеть только со мной.

– Беги к ёлке, там она, – посоветовала Надя. С Элькой староста давно и надёжно замирилась.

Я не спеша пересёк зал и замер, разглядывая пышное дерево, снизу уже увешанное игрушками. Откуда-то из недр коморки за сценой мальчишки вытащили разболтанную стрелянку. Теперь на самой её вершине, точно дозорный на башне восседала Тихонова. На тощую шею накручен мохнатых шарф, на джинсы и сапоги наклеены маленькие блестящие звёздочки-снежинки.

Ступенькой ниже стоял ящик с игрушками. Внизу, страхуя девочку от падения, поддерживали опоры наш гот Дохлый Фунтик и двоечник Петька. Ролевик-«эльф» Данила болтался рядом, придирчиво разглядывая пустующие ветви и с умным видом командовал:

– Красную шишку вешай левее, а ту желтую рыбку по центру, так ярче выйдет.

– Всё равно дождем заляпаете всю красоту, – возмущался Петька.

– Мы им лучше стенку позади украсим, – возражала сверху Тихонова. – Вон лысая какая!

Мне не хотелось прерывать их занятие, но новость от городского Владыки свербела в груди.

– Эля, я про Аню поговорить пришел, – окликнул я.

– Сейчас, – та зашуршала обёрточной бумагой в коробке, вытаскивая игрушки.

– Что, Шука, дома не сидится? – оскалился Фунтик. – Зацени вещь.

Он искренне считал, будто окружающим интересны его увлечения, и продемонстрировал серебряный скелет на ажурной цепочке.

– Мощно, – на всякий случай согласился я. Фунтик в ответ просиял.

Элька за минуту ухитрилась развесить остатки украшений на ветках и сползла с лестницы под недовольное ворчание Данилы. Ну да, всю композицию нарушила, непорядок.

– Какая помощь нужна? – она раскраснелась, раззадорилась. Медового цвета волосы, заплетённые в косу, растрепались и сейчас торчали вокруг головы светлым облаком.

– Посоветуй, что делать, – бессильно признался я. – Ты девочка, ты знаешь, как у Анюты всё выпросить. Со мной она таинственность развела, будто я маленький совсем и ничего не понимаю. Боюсь обидеть.

– Хм, – Элька наморщила нос. – Думаешь, я в ваших политесах соображаю? Давай попробуем. Где она сейчас?

– В институте до трёх должна быть. У неё там какие-то дополнительные лекции поставили.

– Быстро доберёмся? – уточнила она.

– Нет, я там не был, – я задумался. Бродить по городу в метель не хотелось, но пользоваться быстрой дорогой в незнакомое место было опасно.

– Так, работайте усердней, – обернулась Элька к мальчишкам. – Мы пойдём его сестру выручать!

Спасибо, ты настоящий друг. Кто ещё не знал, теперь в курсе. Я обречённо поплёлся следом за Тихоновой, соображая, что к понедельнику быть мне главной темой школьных сплетен.

Уже внизу у раздевалки нас нагнал Лёша, городской эльф и мой одноклассник. Видно, незапланированно в школу попал, одет по-домашнему в футболку, шорты и шлёпки.

– Эй, Щука, твоей сестре привет от Владыки, – он сунул мне в ладонь что-то мелкое. – Отдай ей поскорей. Только что из хранилища доставили.

Он кивнул Эльке и скрылся за ближайшей дверью. А кто на мои вопросы отвечать будет?

Я раскрыл ладонь, разглядывая ажурную круглую коробочку. Казалось, она была сплетена из тончайших шелковых нитей, молочно-белых, железно-твёрдых. Красивая, невесомая. Валентин возник перед нами из воздуха, провёл рукой над подарком и заверил:

– Безопасно.

Мы вывалились из уютного тепла школы в метель и мороз, а жгучий зловерный ветер хлестал нас снежной плёткой по щекам и подталкивал назад – спрятаться, не высовываться до весны.

Наверно, это Валентин поколдовал, но едва мы подошли к остановке, подкатил троллейбус – заиндевевший, с прогретыми ладошками на расписанных льдом окнах. Мы забрались в его полупустое ледяное чрево и сгрудились у окна втроём на вдвоенном сидении. Наверно, защитник тоже мёрз. Он сжал руками в перчатках золотой набалдашник трости и задумчиво смотрел, как я расплачивался с кондуктором.

– Валь, – Эльке было всё нипочём. – Помнишь лесную, которую ты конфетами кормил?

– Ли-двигу? – ухмылочка у демона вышла та ещё. В фильме ужасов в преддверии самой страшной сцены надо показывать для затравки.

Чего больше всего бояться стройные девушки, даже эльфийки? Правильно – потолстеть. Чтобы вывести у тайны лесных, Валентин утащил Ли-двигу на кондитерскую фабрику и пытал – кормя конфетами и тортиками.

– У тебя её контакты есть? – продолжала допытываться моя неугомонная одноклассница.

– Если в спячку не впала, вызову, – пообещал он.

– Узнай...

– Чем так Анин кавалер прославился? – предвосхитил вопрос демон. – Легко. Заодно выясню про сидов. Если они похожи на своих ирландских или английских собратьев, парню не поздоровится.

Возле педагогического института было ещё холоднее. По площади, где летом цвели розы и яркие ирисы, клубилась позёмка. Лохматая ива щёлкала кнута-ветвями, норovia отстегать зазевавшихся прохожих. В газетном киоске, замётённом почти по окна, теплился призрачный свет.

Замёрзшими пальцами я посмотрел на телефоне расписание сестрицы и повёл друзей в обход хмурого вахтёра на второй этаж.

Нужный кабинет нашёлся быстро. В приоткрытую дверь можно было наблюдать, как похожий на Гендальфа седобородый преподаватель вещал что-то про нетленный вклад Аристотеля в мировую науку. Аня сидела в середине аудитории, мечтательно смотрела на липнувший к окнам снег и на закутанный в блестящий дождик кактус.

Спасибо защитнику. Невидимый для прочих, он проник в кабинет, склонился к сестре, что-то прошептал той на ухо. И вот уже они оба стояли перед нами.

Моя сестра – обычная тихая мышка, скромная, неконфликтная, за последний месяц расцвела, обнаружила вкус к одежде и украшениям. С её мнением даже родители стали считаться. Да что родители, сама Гертруда Марковна, наша боевая бабушка на днях заявил: «Аня у нас взрослая!» чтобы услышать подобное из уст бабули, нужно как минимум пару раз спасти родину.

– Голову наклони, – потребовал я.

Она непонимающе уставилась на нас, и тогда Валя сам запустил длинные, унизанные перстнями пальцы в её тёмно-русую шевелюру.

– Есть, – подтвердил он слова городского Владыки.

Аня вслед за ним пощупала макушку и сразу сникла.

– Мы опять арбитры?

– Нет, ты снова Видящая, – я с опаской протянул ей Лёшкин подарок.

Аня взяла в руки коробочку, и белые стенки той засияли, зашевелились, сползая на ладонь мелкими завитками, сложным узором оплетая пальцы и запястье.

Рисунок вспыхнул и впитался, заставив меня поёжиться и усомниться в верности принятого решения. А на ладонке сестры осталась лежать печать, почти такая, какая бывает у врачей.

Аня перевернула её и прочла надпись?:

– «Видящая городских. Анна Щукина».

В середине красовался сложный узор из домов, мостов и арок.

– Поздравляю, – искренне обрадовался Валентин. – Ты большой нечеловек нашего города. А, главное, защищена от леса.

Аня задумчиво положила печать на ладонь, и та тоже впиталась в кожу, как и не было. Но мы догадывались, сестра может её призвать в любой момент.

– Как странно, – она вытерла руки о свитер и вздохнула, – я видела сегодняшний день во сне. Там я не хотела становиться Видящей, а сейчас мне это кажется интересным.

– Расскажи, в кого ты влюбилась, это важно, – попросил Валентин. – Ему угрожает лес.

Аня не удивилась. Посмотрела на дверь лекционной аудитории и присела на скамью у стены.

– Ваня учится на третьем курсе, перевёлся сюда из другого города в начале октября. Тоже историк.

Она виновато посмотрела на защитника, точно тот что-то к ней испытывал помимо дружбы. Я с ним на эту тему разговаривал, он поклялся, что не интересуется человеческими женщинами. И я ему поверил.

– Покажешь? – спросил я.

Но она уже не слушала, вжалась лбом в стекло и удивлённо разглядывала нечто на дереве. Мы прильнули к окну следом. Меж плавно раздваивающейся рогатки тонких ветвей берёзы сидела девочка в белом платье, беззаботно болтала ногами. Огромный краснотелый рот на миловидном лице распахивался в устрашающем оскале. Из высокого лба вырастали чёрные рога и плавно загибались к белобрысому затылку. Девочка крутила в руках крупное зелёное яблоко, ещё одно просвечивало сквозь полупрозрачный карман.

– Разведчица, – недовольно изрёк Валентин. – Лесная.

Девушка нас не боялась. Ещё бы, с чего ей опасаться каких-то людишек? Она не мёрзла в метель, да и сама казалась собранной из сверкающих кристалликов снега.

Яблоко в три укуса исчезло в её безразмерной пасти, огрызок полетел в стекло, беззвучно стукнулся о раму и увяз в сугробе на подоконнике.

– Хамит, – Элька протянула руку к стеклу, но Валентин перехватил её запястье.

– Она нам ничего не сделает, пока не дашь провод. Пусть забавляется, – он поманил нас от окна. – У тебя есть вещь, принадлежащая твоему другу? – склонился он к Ане.

– Нет, – она виновато потупилась. Хоть подарками не обменивались, значит, не так далеко зашло, отчего-то порадовался я.

– Полное имя? – приступил к допросу Валентин.

– Иван Казимиров. Отчества не знаю, – она опасливо посмотрела на кабинет.

Лучше бы не о пропущенных парах думала, а о том, что втянула нас в разборки города и леса.

Я был не в духе. Каждый Новый год я становился злым и колючим, готовым впасть в спячку до весны вместе с лесными. Холод и отсутствие ярких красок, постоянные «дом-школа-дом». Предпраздничная суета скорее злила меня, чем дарила ощущение чуда. А всё потому, что за суетой наступали каникулы, когда я никому не был нужен.

Родители одноклассников ходили с детьми на лыжах, отпускали их в секции, на концерты, просто порезвиться, поиграть в снежки. Меня же пугали воспалением лёгких, эпидемией гриппа, переохлаждением. Пугала, обычно, бабушка, до середины января прочно занимавшая всё пространство нашей квартиры своей чрезмерной заботой. Даже серая Мисти не смела лишний раз запрыгнуть в кресло или пройти по подоконнику, жалась к полу под строгим взглядом Гертруды Марковны.

Мама с папой днями пропадали в кино, у друзей, а то и вовсе уезжали к дальним родственникам в другой город, Анютка усаживалась за сериалы и дамские романы, гуляла с подругами. А я был абсолютно один, запертый в стенах квартиры, в клетке из снега, мороза и непонимания.

Нет, конечно, я мог общаться с «хорошими», «благонадёжными», «правильными» детьми, которым я был даром не нужен. Но позвольте, не с Язвой же мне дружить!

С появлением Валентина и Эльки всё переменялось. Но старая привычка хандрить с наступлением холодов осталась.

Аня провела нас в другое крыло здания, в приоткрытую дверь кивнула на небольшую студенческую группку. Я попытался выцепить взглядом того самого героя, наверняка похожего на аниме-парней. Но нет, избранник сестры мало чем отличался от простых смертных. Бледное сосредоточенное лицо, узкий нос, умные светлые серые глаза, пухлые губы с тонкой ниточкой первых усов, зачёсанные на пробор каштановые волосы. Свитер грубой вязки неуклюже болтался на нескладной фигуре.

В отличие от остальных студентов Ваня ничего не писал, зато читал, хмурился, медленно переворачивал страницы толстой книги. Рядом с «сердцеедом» сгорбился городской – крупный парень, лопоухий и нагловатый. Нас он замети первым, поначалу напрягся, но затем опознал своих, расплылся в счастливой улыбке и по-медвежьи выбрался из-за парты.

– Зинаида Юрьевна, можно выйти? Очень-очень надо! – пробасил он и ломанул к нам через всю аудиторию столь резво, что я стухнул – задавит!

Нет, вылез из кабинета, мягко прикрыл дверь и выдохнул уже куда тише:

– Здрасьте, арбитры.

– Вижу, ты в курсе, – Валентин всегда был колючим с эльфами. На этот раз наш «кактус» припрятал иглы. – Пасёшь его по приказу Августа?

– Ага, – кивнул толстяк. – Мавку видели?

– Видели, – демон-защитник покосился на Аню. – Думали, к ней.

– Не-е, наших видящих меньше, чем у леса, одной меньше, одной больше, – он привалился спиной к стене, стал похож на одомашненного Шрека. – К лесному князю прибыло посольство от *холмовиков*, сидов по-вашему. Инар-ши-ван главного холмовика не терпит, но драться трусит. А мы с теми и другими бодаемся издревле.

Я вздохнул. Ух уж, эта политика! Как поговаривает бабушка: «Сквозь своё стекло в соседа камнем бросили».

– Поподробней, – настаивал Валентин, разглядывая клетчатую вельветовую рубаху собеседника, безразмерную, как оболочка воздушного шара.

– Эу, – потоптался на месте эльф. – С этим лучше к Августу Денисовичу. Я мало знаю.

– Мы ещё меньше, начинай, – наседала Эля.

По коридору процокали каблуками две девчонки, хихикая и оглядываясь на нас. Эльф нехотя отстранился от стены.

– Я по секрету, – напустил он на себя важный вид, точно мы могли по достоинству оценить его актёрские способности. – Ваш Ваня летом проходил практику на раскопках. Параллельно свои дела делал. В библиотеках с другом пропадал, клад мечтал найти какого-то там дореволюционного разбойника, который купцов грабил.

Толстячок сделал страшные круглые глаза и для пущего эффекта продолжил с подвыванием.

– Усердно копал на лесной опушке, отыскал на свою беду могилу древнего лесного царя. И там, среди рассыпавшегося в труху дубового гроба, среди клочьев истлевших нарядов и блестящих побрякушек, в облачке зелёного тумана лежало величайшее сокровище древности!

Как я и предчувствовал, эльф сделал паузу, ожидая логичного вопроса: «А какое?» Но мы были выдрессированы защитником, поэтому молча ждали. Разочарованный городской продолжал:

– Честно, я не знаю, что это, – виновато признался он. – Старшие молчат. Может, амулет какой или эликсир.

Защитник разочарованно постучал по полу тростью. Под его суровым взглядом городскому было неуютно.

– Говорят, лесные столетья убили на поиски этой штуки, – переминался он с ноги на ногу. – Друг друга в землю положили без счёта. Сам хотел бы узнать, ради чего целые кланы вырезали.

– Почему я не удивляюсь? – трость крутанулась в руке демона и упёрлась в широкую, как футбольное поле, грудь городского. – Карауль дальше и знай, отныне ты отвечаешь не только перед Августом, но и передо мной.

Эльф недовольно скривился, но кого это волновало? Прозвенел звонок, и коридор наполнился студентами. Сразу стало тесно.

– Кошмарняк! – Элька проводила Анюту до кабинета. – Хочешь, я тебя отпрошу? Раз и всё – взмахнула рукой юная ведьма. Сейчас она мне напомнила засидевшуюся в засаде тигрицу.

– Я сама, – сестра неожиданно уверенно остановила её порыв.

Я до сих пор не привык к ней новой. До сентября... Да что там, до ноября Анютка была ручной и безвольной.

Мы вышли из дверей института и сразу оказались на крыше торгового центра «Меридиан». Ветер царапал лицо, норовил спихнуть вниз, пробирался сквозь тёплую шерсть и слои синтепона, разгонял мурашки по коже. Я прикрыл ладонями щёки, но те всё равно щипало.

Сквозь метель сияющая лента Пути казалась охапкой скрученных светодиодных трубок, какие любят вывешивать вдоль стен в магазинах и в фитнес-центрах в канун Нового года. Светло-голубые трубочки-канатики изнутри светились золотым светом, образовывали широкие потоки и тонкие ручейки, разбегались, разветвлялись по небу.

Дуло так, что казалось, будто снег пролетал сквозь меня, и каждая снежинка со скоростью пули прошивала моё дрожащее тело, оставляла в нём оледеневшую по краям дыру.

Я поднял повыше шарф и отвернулся от сестры. Не возьму в толк, как девчонки умудряются в метель довольствоваться короткой дублёнкой, тонкими колготками, и вовсе не носить шапку! Хотя Элька исключение. Вон закуталась похлеще дворничихи тёти Люды: толстый пуховик, шарф в несколько слоёв, меховая шапка с ушами, варежки...

Защитник старательно высматривал лодку, но Путь как назло был пуст. На дальних ответвлениях мелькали тени больших кораблей – грузовых, тяжелых. Я знал по рассказам пронырливого Валентина, что некоторые из них – настоящие летающие острова вроде сказочной Лапуты. Но сам я таких никогда не встречал.

– Валь, у тебя же шляпа волшебная! – Эля нетерпеливо пританцовывала на крыше, вытягивала шею, всматривалась в метель. – Помнишь...

– Двоих недолго выдержит, четверых погубит, – оборвал он её. – Приготовьтесь!

Он приблизился к самой кромке крыши и вдруг швырнул вдаль трость. Та закрутилась, завертелась, и выхватила из пурги ржаво-белое корыто, потянула его к нам.

Внутри корыта суетился странный субъект, пытался всеми шестью мохнатыми лапами отцепить «крючок». Внешне субъект напоминал мешок картошки – весь бесформенный, узловатый, грязно-коричневый на вид, даже, кажется, пыльный. Метель огибала его «кораблик» широким куполом и плавно змеилась вдоль пути. С хозяином плавательно-летательного средства Валентин не церемонился. Как и с нами. По одному хватал за ворот и кидал вниз – ровненько в лодку.

Сам демон приземлился легче листка на самый краешек кормы, будто бывалый акробат удержал равновесие, балансируя распахнутыми руками, и уже потом соскользнул внутрь, где «мешок» жалобно причитал и охал на незнакомом нам языке.

Демон заграбастал хозяина лодки, склонился к его чёрным круглым глазам на бугристой морде и быстро-быстро залопотал на том же языке. К моему удивлению, «мешок» успокоился, подобрался, отодвинулся к бортику, надо сказать, невысокому. Мне до сих пор было жутковато смотреть вниз.

Ага, отсидишься тут! Демон и в России демон. Валентин властно подтолкнул меня к штурвалу. Едва пальцы коснулись отполированного светлого дерева, по предплечьям разлилось долгожданное тепло.

– Облетим вокруг города, посмотрим, что творится, – попросил Валентин. Я не стал возражать, покатаюсь и согреюсь, о чём ещё мечтать?

Город сверху казался неумелым чёрно-серым наброском, на который щедро сыпанули муки и поставили под вентилятор. Природа бесновалась, завинчивала маленькие снежные смерчи, шипела рассерженной кошкой, завывала волком.

В снежных круговоротах вокруг Пути мне чудились фигуры, лица... С каждой минутой они всё ближе и ближе обступали нас, и вот уже почти вплотную льнули к лодке. Протягивали лапы к нам? Или только к Ане? Я так и не понял.

– Отвернись, следи за дорогой! – приказал защитник. – Лучше давай быстрее к Августу.

Я отыскал нужное ответвление. Вскоре лодка зависла над крышей одного из домов, где был быстрый проход. Один за другим мы прыгнули на крышу, через чердак добрались до второго этажа и ушли напрямик в стену под щитком электропроводки. Чтобы через миг очутиться за киоском совсем рядом с фотостудией. А там уже до коморки Денисовича было недалеко.

Владыка городских обнаружился на ступенях крыльца. Вооружившись металлической линейкой, он сердито отскребал с двери мох и прилипшую листву. У его ног в прозрачном целлофановом пакете лежало тельце мёртвого снегиря и обломки стрелы.

– Явились, – увидел он нас спиной. – Нет, чтобы на полчаса раньше, – спугнули бы негодников!

Старик явно нервничал. Не шла ему роль раздосадованного проказами малышей доброго дядюшки. Я слишком хорошо знал историю Славика и Брианы. Сомневаюсь, что местный Владыка пощадил бы хотя бы одного из проказников.

– Вам прислали чёрную метку? – развеселилась Элька.

Август промолчал. А защитник предупредил:

– В метели бродят лесные разведчики и демоны Запредельного. А за домом сейчас следят.

Я сам чувствовал взгляд в спину – тяжелый и гнетущий.

Август пригласил нас вовнутрь, отключил радио, которое вещало об очередной аварии поездов в соседней области, перевёрнутых составах с мазутом. Ну да, не музон же дедуле слушать.

Владыка без лишних церемоний поднёс руки к груди, развёл, точно держа большой шарик. Между ладоней вспыхнуло пламя, очертило контуры книги, толстой, как две энциклопедии. Пламя меркло, и на переплёте проступили узоры и письмена. Я видел подобный фолиант на фото в учебнике истории, а потом в нашем краеведческом музее. Кованные золотом края, переплёт из теснённой кожи... Замок со львами смыкал страницы от любопытных.

Было тихо, только Валентин оглушительно громко стукнул тростью об пол, да охнула Аня.

– Узнали?

Книга мигнула и стала ярче. На корешке проявились руны цвета засохшей крови, каждая, точно изломанная птичья лапка.

– Эта книга из тайной страны лесных, той, что под холмами. Стоит её открыть, и в течение месяца нужно загадать желание. Даже самое невозможное. Оно исполнится. Только книга заберёт жизни в уплату, пропорционально загаданному. Моровые поветрия, наводнения, тайфуны, вулканы: неважно какой способ выберёт проклятый фолиант. Итог всегда один. Смерти.

Видение книги исчезло...

– Говорят, – медленно произнёс Валентин, – в эту книгу заключены души могущественных демонов.

– Не знаю, – Август прошёл к столу, выудил из-за него стул, присел. – Я её в руки не брал.

– И не возьмёшь! – резко оборвала его Аня. – Заговорённое железо жжет, от сияния страниц свет перед глазами меркнет. Только человеку в пору с ней справиться!

– Вот зачем мы ему! Люди крепче вас, плесень городская! – съязвил Валентин.

– Что нам нужно с ней сделать? Утопить? Бросить в жерло вулкана? – перечислил я самые поповские варианты.

– Отнести на родину в холмы, и дальше – в глубины, в Навье царство – подземное, непригодное для человека. И успеть возвратиться. Самое подходящее время как раз наступает перед Новым годом и до Рождества Христова.

– Сегодня двадцать третье, – Элька сверилась с мобильным.

– Ты в самом деле собираешься туда идти? – перепугался я. Валентин только нахмурился.

– Да, – удивилась Тихонова, – мне интересно, как живут лесные. А тебе?

Верно Славик, мой учитель информатики и по совместительству эльф, любит приговаривать про женское любопытство и к месту и не к месту шутит про женский интеллект. Или моя неугомонная подружка решила добраться до бабушкиной родни?

– Это предрешиено, мы пойдём, – вынесла приговор Аня.

Я вздохнул и сдался: провидица в семье хуже нашей всезнающей бабушки. Вон на затылке сестрицы волосы шевелятся, третий глаз пробивается.

Я только сейчас обратил внимание, что в углах мастерской скопился белёсый туман, само помещение словно углубилось и потемнело.

– Мы должны пойти завтра. Но пока всё расскажем Ване, – голос сестры стал напевным, убаюкивающим. – Он поведёт нас. Он уже готов распахнуть книгу.

– Только не это! – схватился за голову Август Денисович. – Вы ещё не готовы! И не расскажем ему до последнего! Городские первыми лягут, сними он замок! Страдают те, в ком больше всех магии!

Валентин кивнул и вышел первым. Он всё для себя узнал. Теперь попробуй встряхнуть это знание из него самого, скрытного! Каково нашим скудным умишком влезть в его демонские Запредельные мозги?

Я не торопился, задумчиво осматривал ателье. К трём фото с небывалыми для простых смертных пейзажами добавились ещё два. На одном беловолосая женщина в платье из зелёных перьев держала в руках клетку с крошечной ланью. Позади женщины развивались флаги разной формы и окраски и стояли хмурые рыцари в чёрных доспехах.

На другом на велосипеде по городу ехал мужчина с коротенькой аккуратной бородкой. Желтые звериные глаза с вертикальными зрачками прятались за круглыми очками. На плече, вцепившись когтями в развивающийся полосатый чёрно-белый шарф, сидел крошечный рысёнок. И ещё, у мужчины был хвост – длинный, собачий или волчий.

Я завороченно изучал моменты из жизни городских, хотя теперь видел их ежедневно и даже слегка успел привыкнуть. И размышлял, что доверять Августу глупо, не доверять ещё глупее.

– Нам снова нужно учиться? – Эльке не терпелось на подвиги. Четверть она почти закрыла, могла себе позволить похулиганить.

– Учиться? – Владыка размышлял. – Марат с Мартой сейчас без дела. Пойдёмте, я передам вас им, – он положил широкую ладонь на ручку двери.

Мы встали следом, один за другим шагнули в распахнутую черноту дверного проёма. Где-то на самой грани слышимости мне почудилась тихая мелодия флейты.

Оказались мы в висящем в воздухе строении номер 44-в, а точнее в стеклянном шаре прямиком над зданием городской администрации, одним из трёх, самом верхнем и большом. Они один над другим парили в воздухе. Наш – как раз над широким потоком Верхнего Пути.

Внутри было светло, просторно и оживлённо. Эльфам: совершенно разным, мало что общего имевшим с героями Толкиена и его последователей, не было числа. Высокие, низкие, толстые, тонкие, двухголовые, многорукие, порой похожие на мифических чудовищ, бродили вокруг накрытых столов, галдели как попугайная стая и выглядели столь же ярко. При нашем появлении они притихли.

Я узнал несколько личностей, с которыми не раз встречался на улице, увидел мастера, изготавливающего ключи на рынке, моего одноклассника... Естественно, всё их внимание досталось нам.

– Видящая...

– Хорошенькая...

К ней потянулись руки, лапы. Эльфы касались одежды, волос. Кто-то выхватил заколку-цветок. Аня оттолкнула очередную руку и ускорил шаг.

– Ещё обтесаться надо, этикет подучить...

– Арбитры бывшие...

Я задрал голову повыше по примеру Эльки. Нечего обращать внимание на всяких там. Я терпеть не мог подобного отношения к себе и друзьям, но эльфам не ведомы совесть и такт.

Из общей толпы возникли двое. Марта выглядела воздушной, высокой, с огромными желтыми глазами, рысьими ушами, в шерстяном платье, расшитом бусами. Марат наоборот, был медведеподобен, седые волосы больше напоминали шерсть, а звериные уши двигались по своему усмотрению. Люди видели в них милую пару, мы же двух хищников, неведомо с чего забредших в каменные кварталы.

– Дети пришли к нам в гости. Веселитесь, – пропела Марта.

Поклонившись, она приложила ладони к щекам, приветствуя Владыку.

– Подготовь их к встрече с холмовиками.

Марат зашипел, обнажая чёрные зубы и длинные загнутые клыки.

– Они уже не люди, они наши! – из под платья Марты вырвался пушистый хвост, задёргался из стороны в сторону. – Погубим же!

Я хотел было возмутиться, что я самый человеческий человек, но прикусил язык. Я вижу всю эту нечисть, я вожу ладьи по Верхнему Пути. Моя Анюта вроде Ванги у эльфов. Элька – та вообще не человек на четверть. Знал ли я в августе... Ну, да поздно...

Нас пригласили на сияющую лестницу, уходящую под многочисленные хрустальные арки в центре зала. С каждым шагом под ногами звонко пели ступени, а наверху разворачивались полотна стягов и сияла неожиданно светлая снежная крепость. Белые башни, синие звёздчатые купола, чёрное вечернее небо, с которого сыпала ледяная крупа.

– Где мы? – испугалась Анюта.

– Зимняя дача Владыки городских и одновременно наш тренировочный полигон, – Марта миновала последнюю арку и подняла голову, ловя на лицо снег. – Здесь никогда не бывает холодно тем, у кого наше разрешение. Непрошенные гости замерзают насмерть.

– А у нас есть разрешение?

Элька ткнула пальцем в стену круглой башни. В стене образовалась дыра, вокруг которой немедленно за клубился ледяной смерч. И вот уже ничто не указывало на недавнюю шалость.

– Да, близкая нам по крови. Вам четверым дано разрешение. И даже хмурому чародею из заклятых земель, – тяжелая ладонь Марата легла на хрупкое девичье плечико. – А теперь мы расскажем вам и покажем, что вас ждёт за пределами города, и где можно отыскать путь в холмы.

Я поднял голову к небу, чтобы увидеть, как над нами проплывают корабли – настоящие каравелы, как у Колумба. Они бесшумно выплаживали тонкую, чуть серебрищуюся ниточку Верхнего Пути, и снег сиял в свете прожекторов на их носу и корме.

– Прошу, – отвлёк меня Марат.

Он подтолкнул нас лапищами ко входу в замок (язык не поворачивался назвать белое строение дачей). И едва створки ворот захлопнулись позади, я понял, что наружу выйду совсем иным чел... существом.

– Здесь мы учим наших бойцов, – пропела Марта, когда пол под ногами плавно пошел вниз, унося нас в подземелья, – и переучиваем перебежчиков. Здесь обучили нас, подменённых в колыбелях.

Я так и знал! Они иные, наши учителя. Не веет от них городом. Что-то осеннее, листопадное таится в их жестах и речах. Подкидыши, оставленные лесными взамен похищенных человеческих детей. Вот откуда эта ненависть к лесу!

Марта обернулась крупной рысью с птичьей ушастой головой. Длинный клюв, достойный цапли или журавля, отливал гранатом с золотыми прожилками. Короткий хвост белым пушистым помпоном настороженно дёрнулся из стороны в сторону. Тяжелые лапы мягко-мягко ступили на каменный пол за пределы спустившего нас в подземелья лифта.

– Говорят, во мне течёт кровь сидов, – справа от меня пробасил Марат. Он стал медведем с зеленовато-бурой шерстью и похожими на полумесяц рогами на гривастой голове. – Я помню только человеческую семью и первый визит Августа Денисовича, когда мне исполнилось десять. Владыка городских рассказал, кто я на самом деле, предложил присоединиться. Я ни разу не пожалел.

Он встал на задние лапы и поманил меня в тёмный коридор, и впереди один за другим загорались алые спинки жуков, облепивших кирпичные стены. Каждый жук был размером с мою голову и как я не присматривался, не сумел понять – настоящие ли они, или электрические лампы, притворившиеся насекомыми.

Девочки остались с Мартой, но я уверился – тут им ничего не грозит.

– Как долго бы мы здесь не тренировались, мы вернёмся прямо к началу вечернего пира и продемонстрируем князю ваши навыки, – вдруг сообщил Марат.

Он остановился подле заржавленной тяжелой решетки, перекрывающий дальнейший проход. Туда не проникал свет жуков, оттого рыже-коричневые толстые прутья казались нарисованными на вычерненном холсте.

Медвежий коготь погрузился в скважину амбарного замка, послышался неприятный скребущий звук, от которого по моей спине точно провели ледяной лапой. Замок поддался, тьма за решеткой стала ощутимей и гуще, кажется, даже запульсировала.

– Входи, – Марат пропустил меня вперёд.

Убеждая себя, что я взрослый, и тьма лишь отсутствие света, я сделал шаг вперёд, чтобы позади лязгнула решетка и я остался один на один с тьмой.

Свет не проникал сюда извне. Он угадывался, ощущался, но не преодолевал невесомого барьера. Увидеть оставшийся позади коридор можно было лишь прижавшись лицом к прутьям.

Хриплый рык позади заставил содрогнуться, и сквозь тонны тьмы на меня посмотрели зелёные с искорками звёзд по краю зрачков глазищи.

– Под холмами темно-о, – бас звучал вкрадчиво, обволакивая, как вареньевый сироп. – Долго-долго предстоит брести во тьме, минуя ловушки, обманки, лабиринты, пока не доберёшься до Нави.

Я вслушивался в голос и не рассчитал момент, когда Марат прыгнул на меня, сшиб, повалил на каменный пол и принялся душить. Шапка слетела с моей головы, затылок вжался в неровный сырой камень. Лапы драли одежду, когти сдирали кожу.

– А-а-а!

Под ключицей всё загорелось, наверно, пошла кровь. Горло засвербело от вони сырой шерсти, тяжелого смрадного дыхания. Я всё никак не мог спихнуть с себя нестерпимо тяжелую громаду. Проще сдёрнуть с места товарняк, чем спастись.

Я престал барахтаться, вытянул вперёд исцарапанные руки и попытался добраться до желтых глаз, но те прожекторами горели где-то недостижимо далеко за частоколом зубов и когтей.

Я зарычал, в последней попытке высвободиться что есть сил замолотил руками по страшной морде... и подо мной раскрылся глубокий колодец.

Я падал, падал, пока не шлёпнулся в тёмную тухлую жижу. Жирные брызги усыпали лицо. Расцарапанная кожа ныла и щипала, кровь из разорванного плеча щедро смешивалась с грязью. Намокшая одежда уже тянула меня на глубину, не позволяла дотянуться до погруженных в лёгкий вечерний туман колючих кустов чуть поодаль.

Я бултыхался, глотал тину и затхлую воду, но стоило мне ухватиться за чахлую кочку, как корни деревьев и трав оплели мои ноги и руки кандалами, спеленали, точно младенца.

Сколько я лежал так, слабо пытаюсь бороться, не ведаю. Только в какой-то миг надо мной захлопали крылья, и из сгущающегося сырого тумана на грудь шлёпнулся птеродактиль, щёлкнул серым клювом, выхватил из жижи, чтобы через миг уронить на муравейник.

Эфемерно-хрупкая конструкция смялась подо мной, и через секунду я орал от невыносимых укусов, бился в агонии, сгорал от боли. Эти мерзкие ползучие твари набились в многослойную, чудом высохшую одежду, кишели в волосах, норовили забраться в уши, в рот.

– Тьфу! Фу! Спаси-и-ите-е-е!

Я заорал и задохнулся, и...

И очутился на табурете в маленькой комнатке, точнее, в каземате. Вход закрывала ржавая металлическая решетка.

На каждой стене сидело по фосфоресцирующему жуку, а с потолка в лужу в углу мерно капала вода. Напротив меня бурой горой высился Марат – тёмный медведь из густых местных лесов. Полумесяц рогов был молочно бел и светился тёплыми огоньками на острых краях.

Вопросов у меня не было, лишь недоумение: «Отчего я до сих пор жив?»

– Это упрощённая версия входного контроля сидов, – сухо прорычал медведь. – Я не пугаю, просто предупреждаю. Те, кто пытаются проникнуть в холмы без разрешения, испытывают куда большие неудобства.

Что? Этот ад он зовёт неудобствами? Но Марат продолжал.

– Я очень надеюсь, что этим испытанием мы обойдём охранные заклинания холмовиков, – медведь похлопал меня лапой по плечу, и я едва не свалился с табурета. – Твоё тело и разум будут его помнить, заклятья примут за своего.

Не знаю, ждал ли он от меня выдоха облегчения в этот момент. Он же не просто ради природной вредности решил поиздеваться надо мной, а для дела. Сейчас я смог лишь отстранённо кивнуть.

– Аня? Эля? – я с трудом разлепил губы. Попить бы.

– У девочек иная миссия, – охотно пояснил Марат. – Удар принял ты, как воин вашего отряда. Ваш чародей будет охранять человека с книгой.

Мне показалось, или в его тоне послышалась виноватая нотка?

– Иди за мной, – он распахнул скрипучую решетку.

Я с обречённостью цепного бобика поплёлся за ним по коридору. Спинки жуков приветствовали нас тёплым алым светом.

Я шел за рогатым медведем, ожидая любой подлости и мысленно проклиная свою невежучесть. Ох, угораздило же Аню выбрать себе жениха!

Но что-то этакое во мне, что люди зовут интуицией, подсказывало – не приключись с нами Аниной любви, случилось бы нечто иное. Мы теперь часть города, как не отнекивайся, пришлось бы отвечать наравне с городскими.

Коридоры и широкие лестницы вывели нас вверх на широкую анфиладу залов с белоснежными, точно тончайший морозный узор на стёклах, распахнутыми воротами, с высокими потолками, расписанными настоящими картинами.

Свет шел отовсюду. В каждом предмете теплился лунный отблеск – холодный, желтовато-голубой, таинственный. На остроконечных длинных окнах в мелком резном переплёте серебристо-синими крыльями дрожали занавески.

– Теперь вам нужны *непотеряйки* – особые артефакты. Если отряд разлучат, они помогут отыскать друг друга, – решил утихомирить моё беспокойство Марат.

На его бас радостно отозвалось эхо, полетело по гулким залам, передразнивая, преумножая звуки наших шагов.

Чтобы сосредоточиться и прийти в себя я вглядывался в портреты удивительных существ на стенах. Сердце по-прежнему колотилось после перенесённой пытки, но голова уже соображала. Раз Марат говорит, это лишь цветочки по сравнению с проверкой самих сидов, хорошо, что я пережил испытание под его надзором.

Мы миновали ещё несколько вычурно красивых, точно королевских залов. Мне есть с чем сравнивать, я был в Эрмитаже, был в Екатерининском дворце. Загородная дача Владыки городских могла бы с ними посоперничать.

А потом нас укутали жар и духота настоящего камина. Пахло дымом и отчего-то баней. Марат рыкнул, подхватил с пола кочергу и долбанул по каминной решетке.

Бам! Бам!

– Вылезай, головешник. Выбирайся из тёплых мартеновских печей, довольно тебе на заводе нежиться. Головешник, есть работа!

Огонь затрещал, даже, кажется, сгустился. Поленья в глубине зашевелились, и из них поднялось нечто живое. Горелые ветки пальцев схватились за решетку, вздыбилась серыми мышцами человеческая спина. Названный головешником подтянулся, высунул чёрное в огненных трещинах лицо из камина.

Народные умельцы похоже вырезают из коряг мордочки леших и продают на ежегодной осенней ярмарке. Только по бокам физиономии скорчившегося в камине диковинного создания длинными космами свисали пламенные бакенбарды, и от них валил чёрный дым.

– Суетливые городские! – ворчливо проскрипел головешник. – На заводе новую доменную печь запустили, только обживать начал. Там сталь плавят, – он фыркнул. – Отвык я от древесного огня.

Марат пропустил нитью мимо ушей. Прирождённый мучитель..., нет, учитель. Ничем его не прошибёшь.

– Проклятая книга нашлась. К сидам, то есть к холмовикам отправляют отряд.

– Сиды – это плохо, – которым по счёту за день сообщило нам чудо-юдо.

Мне начало казаться, что проще отправиться со своим котелком и приправами в гости к людоедскому племени, чем к таинственным жителям холмов. Это Элька Тихонова к родне возжелала. А моя родина здесь, в городе.

Я в который раз попытался вспомнить хоть что-то из мифов, но ничего, кроме сказки про Томаса Рифмача на ум не приходило. В того, вроде, влюбилась сама королева эльфов и пригласила в свои зачарованные чертоги. Эй, сиды, для меня королевы не найдётся? Я, вроде, не урод.

– Что надо-то?

Головешник опёрся подбородком на обхватившие решетку пальцы – по семь штук на каждой ручище. С бакенбардов на каменный пол слетали яркие искры.

– Делаю мечи, кинжалы, доспехи, – начал перечислять огненный гость.

– Пока непотеряйки для него, – медвежья рогатая голова указала на меня, – и его четверых спутников, один из которых простой человек, а другой – могущественный чародей из иных сфер Мироздания.

– Для этих двоих выкую, не впервой, – наших ведем, рогатый.

Марат тряхнул мохнатой гривой, опустился на четыре лапы и протяжно и неожиданно нежно позвал:

– Ма-арта-а!

Прямо из стены выпрыгнула рысь с журавлиной головой, а за рысью вышли её ученицы. Их одежды светились как и все вещи в этом доме. От Эльки и даже Анюты за версту несло волшебством. Времени девочки даром не теряли.

– Вижу, чую, – согласился головешник, едва взглянув на них, – будут вам непотеряйки. Что ещё потребуете от меня, пока не вернулся на родной завод?

Август Денисович Иванов

В центры сетевого контроля, как их называли эльфы, годами стекалась вся информация о творящихся в городе делах. Каменные горгульи и химеры на фасадах, прочие невидимые человеческому зрению соглядатаи подсматривали, подслушивали, поглядывали, отслеживали шпионов леса, сами шпионили без стеснения.

Здесь же, в центрах, собирали всю переписку с компьютеров горожан, просматривали видео с камер наблюдения полуживые существа, родичи городских горгулий. Они не хотели спать, почти не ели, только копили информацию в своих каменных телах. И при случае делились ею с городскими видящими.

Один из центров находился в краеведческом музее неподалёку от дома Августа. За массивной железной дверью гудели современные компьютерные серверы, перекачивали информацию в трёх каменных созданий.

Одно из них – человек из серого пористого камня бородатый, кривобокий, с едва оформленными руками-клешнями, которые легко держали шариковую ручку. К затылку человека тянулись разноцветные провода, подсоединённые к торчащим из камня микросхемам.

Второе существо оказалось скульптурой рабочего времён советской власти. Улыбчивое гранитное лицо, кепка на подстриженных волосах, рубаша с аккуратным воротником, чуть подмятые брюки. Этому провода уходили в спину.

Третьим был настоящий фараон – маленький, человеку до пояса, из чёрного, отполированного до блеска камня. Таких заказывают себе в квартиры и на дачи богатые горожане. У фараона провода макаронинами тянулись из головного убора, похожего на перевёрнутое мусорное ведро.

Статуи расселись на полу, вооружились свеженьким рулоном обоев, шариковыми ручками и играли в любимую игру.

– Потом герой должен куда-то пойти! – шелестящим голосом подсказывал фараон рабочему. И тот послушно писал, куда именно, заворачивал написанное, скрывая от приятелей, и передавал рулон в клешни неотёсанной скульптуры.

– Герой встретил страшное существо. Опиши его, – басом сообщал рабочий.

– У меня ручка сломалась, – пропищала бородатая скульптура.

– Ты всё время их ломаешь! Ядвига, сбегай купи ещё пару наборов. А то мы до вечера не доиграем. И ты не услышишь нашу очередную сказку.

– На сегодня ручек хватит, – предсказала им городская. Ведь она была Видящей.

Худошавая смуглая Ядвига дежурила с самого рассвета. Чёрная коса дважды оборачивала голову женщины, и над короной волос ни секунды не ведал покоя третий глаз на тонкой ножке. Сейчас этот глаз видел, как к зданию музея торопливым шагом приближается Август Денисович.

– Владыка идёт, – прервала она игру. Рабочий немедленно затолкал рулон за тумбочку.

Август влетел в центр не здороваясь, уселся за стол с монитором и приказал:

– В городе шпион сидов. Он был на моём приёме в третьей стекляшке. Сейчас он стащил заколку у молоденькой Видящей, Анны. Покажи мне его!

Ядвиге не требовалось разъяснений. За шпионом она следила ещё с лета, магию его знала. Скульптуры замерли, послушно отфильтровывая информацию с камер наблюдения и из глаз горгулий.

Экран на столе мигнул и показал лысого мужчину в кожаной куртке. Тот стоял у цветочного магазина, ёжился от холода, но держал завернутую в целлофан розу.

– Ну же, давай! – точно болельщик на спортивном матче торопил его Август. Где твой связной?

Связным оказалась пышнотелая женщина, которой досталась роза и свёрток с заколкой.

– У девчонки недавно третий глаз открылся. Для Фиор-ар-аи в самый раз, – пообещал лысый толстухе. – Лишних вопросов не задаст.

– Я передам Владыке. Видящих заберём в любой момент. Только их не вывезти.

– Забирай и тащи на окраину в район ледового дворца. Завтра той дорогой в другой город едет делегация. Путь будет открыт. Август сам сказал.

Толстуха кивнула и нырнула в толпу.

Глава городских пару минут понаблюдал за обоими и довольно улыбнулся. Всё шло, как он планировал, как предсказывала его мать.

– Головешник возвратился в Город из леса? – уточни он у Ядвиги.

– Час назад, – подтвердила та.

– Славка и его чужеродная невеста?

– Затаились. Девушка волнуется, следит за лесными, – отчиталась Ядвига.

Она не знала, что задумал Владыка, но понимала, в интригу вовлечены слишком могущественные силы. Будущее для Видящей тоже было туманным, обрывочным. Спроси у неё Август Денисович, что будет через неделю, и она могла бы назвать три-четыре сбивчивых видения, рассказать о том, что может вообще не сбыться. Но эти видения женщину пугали.

– Следи за ним, за шпионами холмовиков и за лесными, – посоветовал глава городских.

– А за бывшими арбитрами? – поинтересовалась она на всякий случай. Две недели она неотрывно наблюдала за детьми. Даже подсмотрела за их другом-чародеем.

– Они уже в игре, их проконтролируют более слабые. Ты нужна мне здесь, – отрезал он и ушел, как всегда, не прощаясь.

Скульптуры немедленно извлекли из-за тумбочки рулон обоев.

– Садись с нами играть, Ядвига, – пропищал неотёсанный бородач. – Мы тебе ручку выделим. Знаешь, какую сказку вчетвером напишем? У меня придумки есть. Хотел для другой приберечь, но лучше в этой использую.

– Беречь задумки нельзя, иначе новые не придут, – назидательно ответил фараон. – Или испортятся, или забудутся. Иди к нам, Ядвига.

– У меня приказ Владыки, – с сожалением ответила женщина, присаживаясь между фараоном и рабочим. Положив им руки на плечи, она прикрыла два глаза, сосредоточилась на видениях третьего, и принялась следить за шпионами леса и холмов.

Ли-дви-ра

Как тепло, мягко и уютно спать на прелой листве и мягком мхе под корнями столетних необхватных дубов, длинностовольных сосен, тёмных, терпко пахнущих смолой елей! Спать и видеть снежные сны, пока первая капля не зазвенит по наледи. Пока из-под земли не потянутся нежные ростки, а деревья-хранители не ускорят ток соков от корней по стволу и дальше – к нежным зарождающимся почкам на тонких веточках. Спать и слушать шелест мышей под снегом, цоканье белок, перестук дятлов, улавливать бег волков, мягкую поступь лис, точно лесную исповедь читать вместе с ними заячьи следы...

Первый снег ложится слоями, оставляя землю под кронами голой. И тогда в дело вступает волшебство старших. По их зову приходит метель, свистит, воет, наматывает снег плотно к стволам, чтобы ничто не тревожило покоя юных лесных.

Снежная шуба сохраняет тепло, бережно ограждает от лишнего шума и суеты. И лесные благополучно взрослеют, напиваются силами деревьев-кормильцев, энергиями земли. Лишь изредка на стволах проступают похожие на человеческие лики, призрачные фигуры. Днём они привязаны к своим кормильцам. Зато в лунные ночи призраки спящих лесных собираются на полянах, ведут слышимые лишь им одним беседы, танцуют, поют, чтобы рассеяться за час до рассвета.

Мало кто из молодых желает отказаться от покоя в норках под корнями. Но каждый год желающие находятся. В этот особенно много. Под лес прорыли коридоры наглые сиды, возятся, колдуют, шумят, будят детушек. Теперь дети разгуливают по лесу, лезут к трассам, заглядывают в дачные домики, проказничают. За каждым надо проследить, удержать от глупостей. По мере сил, конечно.

Вы пробовали уговорить расшалившуюся лесную молодёжь? Даже не пытайтесь. Такое даже Владыке Инар-ши-вану не под силу. Но именно Ли-дви-ре, многоопытной лесной дозорной выпала неблагоприятная участь зимней няньки.

Она не отчаивалась. Инар-ши-ван справедлив, снова приблизит её к себе.

Дикой лесной кошкой Ли-дви-ра сидела на ветке клёна на самой лесной окраине, вслушивалась в песню выюги, смех и радостные возгласы малышни. И потому чуть не свалилась в сугроб, когда над её головой откуда ни возьмись пронеслась стая каркающих ворон. А за ними на соседнюю ветку приземлился ненавистный чародей Валентин.

– Что надо? – с трудом выговаривая слова человеческой речи, промяукала кошка.

– Вот размышлял, пойдёт ли мне серый воротник из твоей шкуры? Или поискать мех повыгоднее?

Валентин сейчас был одет в чёрный деловой костюм, точно конторский работник. Трость обхватила ветку выше и не позволяла чародею свалиться в сугроб.

– Не груби, – кошачьи когти удлинились, шерсть на затылке вздыбилась.

– Нет, трусливый мех мне не к лицу, – рассмеялся Валентин. – К тому же он, наверняка, липкий от съеденных тобой сладостей.

– Ты за это ответишь!

На месте кошки очутилась лесная воительница. Чёрные, чуть выющиеся короткие волосы смешно торчали из-под шапки. В руке зажат клинок, браслеты на узких запястьях ошетинились шипами. На носках мягких сапожек выдвинулись иглы. Ли-дви-ра отлипла от ветки, стремительно повисла одной рукой на верхней, вторую занесла, чтобы метнуть кинжал. И застыла, не в силах пошевелиться.

– Не холодит металл? Смотри, простудишься.

Трость Валентина незаметно мелькнула в воздухе, проскользнула между танцующих снежинок, ни одну не задев, обидно выбила клинок из пальцев.

– Ай! Ты мне ноготь сломал! – первым делом возмутилась эльфийка, вновь обретя свободу движения. Воевать она уже не хотела, снова присела на ветку, свесила ноги.

– Если хочешь сберечь остальные, води себя с гостями учтиво, – назидательно прокомментировал чародей. – Я тебя не убивать пришел. А побеседовать пока без конфет-тортиков. Перебирайся ко мне, дело есть.

Ли-дви-ра возмущённо фыркнула, но успокоилась, даже присела поближе к Валентину.

– Что затевает Инар-ши-ван? – принялся расспрашивать её чародей.

– Он меня не посвяща...

– Ложь! – прервал фразу Валентин. Он не шевельнулся, но бывшая разведчица вздрогнула.

– Он хочет прогнать со своих земель холмовиков и заполучить книгу желаний, – вздохнула эльфийка. Было видно, она не одобряет решение князя. – Древний лес давно проигрывает холмам и городу.

– Недосмотр управляющих, – пожал плечами её собеседник, лениво крутя в руках трость.

– Ему нужен Ваня – хранитель, – Ли-дви-ра всматривалась в метель. – Для человеческого мальчика слишком велико искушение её открыть. Пока он боится повредить замки и испортить раритет. Но книга наделена своей волей. Хранитель откроет фолиант и загадает то, что нужно Инар-ши-вану.

– Это уже не Ванькино дело, а всех городских. Август не допустит, – предупреждающе мягко возразил Валентин. Он не сомневался, эльфийка передаст разговор Владыке. – Скажи Инару, книги ему не видать. Это я тебе как демон из Запредельного говорю.

Ли-дви-ра ахнула, опасливо сжалась.

– Я чувствовала. Я знала, человек меня не одолеет! – она обрадовалась и соскользнула прямо в сердце закручивающегося снежного вихря.

Валентин задумчиво смотрел ей в след, беззаботно болтал ногам. А трость танцевала в пальцах, плела узор чар – сложный и запутанный. А когда заклинание «звёздной сети» было готово и полетело к городу, трость стала флейтой и с радостью откликнулась на демонское дыхание.

Тонкий нежный звук чуть громче воя метели и хрустального звона колокольчиков блуждал среди промёрзших веток. И от него всхлипывали во сне спрятанные под корнями эльфята.

Чуть позже в уютных чашах, в сияющих серебром зимы чертогах на маленьком островке среди тёплых торфяных болот Инар-ши-ван приносил жертву демонам Запредельного. На очищенный ото мха растрескавшийся камень пролилась тёплая кабанья кровь, смешанная с дурманым вином из волчьих ягод.

Вокруг Владыки, не потревожив нежного снежного покрова, собралась вся лесная знать. Олени, волчи, лисьи головы, головы вовсе не знакомых людям существ жадно следили, как вино смешивается с кровью, как впитывается в серый мокрый камень, так и не окрасив снег. И камень на время призыва становится целым, нерушимым, гладким и блестящим, точно обкатанный морем голыш.

Над этим древним алтарём изящной старинной люстрой горели магические огни. Тёплые желтые, холодные синеватые, жизнеутверждающие зелёные.

Сам лесной князь преобразился. Ниже пояса он остался человеком. И чёрные блестящие сапоги с заправленными в них алыми шароварами вовсе не сочетались с комом серебристо-серого меха выше – более светлого на животе и почти чёрного на спине.

У Инар-ши-вана была морщинистая тёмная, почти чёрная кожа на лице. Длинные человеческие пальцы – тоже тёмные, венчали чёрные когти. На мохнатых руках от локтя до плеч выступали мелкие шипы. От кустистых бровей начиналась шерсть, которую прорезали два

гребня, сходящиеся сзади на шее. Чёрный блестящий гребень высотой в ладонь шел вдоль спины.

Ли-дви-ра в человеческом облике недвижимо замерла позади своего господина. В каждой руке зажато по клинку. Она тихо слово в слово повторяла заклинание призыва на молчавшем веками языке.

– Эш даар атер...

«Раскройся дверь под нездешние небеса, приди великая и непобедимая Судья, позволишь свершиться справедливости!»

Остальные тоже послушно шептали. Ошибись на слово, на долготу звука, попадёшь во власть чужой магии, сгинешь.

Над алтарём замерцали искры. Огоньки вверх померкли и опустились на снег палой листвой. В надвигающейся пасмурной предвечерней темноте образовалась трещина от макушки самых высоких деревьев до вершины камня. И из этой тёмной, серебрящейся по краям дыры появилась босая ножка. Она отважно ступила на тёмную каменную поверхность.

А потом трещина расширилась, впуская свет чужих созвездий, и уже на вершине алтаря стояла стройная, черноглазая женщина, прекрасная настолько, что в мире людей и нелюдей сложно вообразить большее совершенство.

Ткань белого полупрозрачного платья трепетала на декабрьском ветру. Ночные цветы в волосах гостыи испускали дурманный, кружащий головы аромат. Чёрная река волос стекала до пят, мерцала золотыми и серебряными бликами.

Позади гостыи в свете расположенных иначе звёзд реяли полуистлевшие флаги, били копытами скелеты лошадей, сжимали ржавые копыта мёртвые рыцари в ржавых доспехах. Угольно-чёрные гончие испускали из клыкастых пастей струи огня, рычали на тех, кто посмел остановить их Дикую Охоту.

– Приветствую Владыку местных лесов, – голос главы мёртвой армии был низким и глубоким, сахарно манящим и одновременно обещающим нестерпимые муки. – Что ты хочешь от Дикой Охоты?

Судья соскочила с камня, провалившись в сугроб почти до колен. И снег вокруг демоницы начал таять. Миг, и босые ножки стояли на пожухлой бурой траве.

– Силы не равны. Город использует демона из ваших. Холмовики вот-вот заполучат могущественную книгу. А что есть у леса? – возмущённо воскликнул Инар-ши-ван. – Лес требует справедливости!

– Справедливости! – передразнила его демоница, легко обходя вокруг князя, прожигая снег.

Ли-дви-ра поудобней перехватила рукояти мечей, хотя знала – против высшего создания изначального Хаоса не выстоят объединённые силы леса, города и холмов. Владыка не произнёс всех охранных формул, и теперь женщина в одиночку шептала слова заклинаний – за себя, за Инара, за свиту.

– Справедливость как орден на груди, её нужно заслужить, – возразила Владыке Судья. – Жертва живой крови лишь плата за общение со мной. Что ты дашь за помощь?

Инар-ши-ван задумался. Сложно предложить изначальному Хаосу то, чего у того нет. Мощь одной Судьи в миллион раз сильнее проклятой книги желаний. Но и берёт она не в пример дороже.

– За полную победу над сидами отдашь мне сотню своих лучших воинов? – она кокетливо склонила голову к плечу.

– Моя армия не горсть безделушек! – возмутился Владыка.

– Тогда и помощь будет соизмеримой взносу, – парировала Судья. – Чем откупишься, князь? Не сундуками с самоцветами, не жизнями преступников, – она заранее отвергла его дар.

– Я могу тебе дать... – он умолк в замешательстве.

– Я возьму твой человеческий облик! – проявила инициативу демоница. – Отныне ты всегда выглядишь именно так!

Задумка её развеселила, и безмолвно застывшие подданные, и сам Владыка леса не смели перечить предводительнице Дикой Охоты.

– Есть ли ещё пожелания, о, сильнейший чародей своего леса?

Демоница отвесила Владыке шутовской поклон и выжидающе замерла.

– Нет, Великая, – пророкотал голос Инар-ши-вана.

Плата не казалась ему чересчур высокой. Кожа под шерстью горела и чесалась. Вдобавок что-то колющее вцепилось в его плечи, царапало, дёргало за гребень. «Пройдёт», – смирился он.

– Учти, Инар, – лицо Судьи приблизилось вплотную к морщинистой морде лесного князя, – равновесие не вечно. Тебе не скрыться от всех чужих чар. А плату я уже взяла, – она расхохоталась, с места сделала сальто назад. И очутилась за гранью разрыва среди мёртвой армии огнедышащих гончих. – Ещё увидимся! – выкрикнула она.

Над заболоченной поляной словно задёрнули занавес. Чужие звёзды померкли, и вокруг знати лесного Владыки снова был пасмурный декабрьский вечер.

– Господин мой, – Ли-дви-ра первой оказалась подле осевшего на снег Инар-ши-вана. – Тебе помочь?

– Нет! – тот стремительно поднялся. На мягкую, точно пух, пышную шерсть налип снег. – Готовьте к вылету дан-на-тас. Я отправляюсь в город в составе посольства. Я уговорю Августа помогать мне, а не Фиору-ар-аи!

Лесная знать растворилась в серых сумерках, одна Ли-дви-ра неспешно убрала клинки в ножны за спиной, откинула со лба чёрные завитки коротких волос, вытянулась по стойке смирно.

– Выслуживаешься? – неприязненно рыкнул ей князь. – Будешь сопровождать меня в городе, помогать с техникой. Будешь стараться, верну в стражу.

– Да, мой господин, – эльфийка склонилась до земли. Не показывать, как ей претит его высокомерие. Не признаваться, что она давно считает Инара недостойным править лесом.

Женя Щукин

В понедельник я выбрался из квартиры в начале седьмого утра. Сам не знаю отчего, мне не спалось. Анята упорхнула в институт, у неё дорога дальняя. А я наскоро сжевал бутерброд и выбрался погулять. Первый урок начинался в половине девятого, свободного времени – больше часа, до школы десять минут неспешным шагом.

Метель улеглась, и белые мягкие снежинки медленно кружили в воздухе. Свет фонарей выхватывал их из тьмы. И тогда невесомые танцовщицы исполняли партии на импровизированной сцене... Два дня напряженной учёбы у городских вытянули из меня все силы. В голове было тесно от знаний о ловушках холмовиков, об их изобретательности, коварстве и подлости.

Я шел медленно, прогоняя в памяти выученное. Пару кругов по двору, несколько минут петляния по кварталам. Сам того не заметив, я оказался у школьных ворот. Пустынно, только окошко учительской светится и раздевалка.

Из-за старого тополя мне на встречу вышел Славик – мой учитель информатики, эльф, теперь непонятно, правда, какой, лесной или городской. От него официально отреклись и те, и другие.

Ради мести за погубленную любимую он отрёкся от города, присягнул лесу. Обманом проник на подписание мирного договора в место, где есть всё – сбывшееся и несбывшееся. И вывел в мир копию погибшей возлюбленной. Их не приняли. Со своей Брианой Славик (на деле Са-а-ар) перебрался жить на самую окраину города поближе к природе. С прадедом, Августом Денисовичем, на сколько мне известно, не знался. Со мной тоже. Всё полугодие мы с ним обменивались только «здрасьте – до свидания», не замечали друг друга на уроках. А тут нате!

– Женя, – Славик замер на границе света и тени. – Хорошо, что ты откликнулся на зов!

Так вот почему я променял уютную тёплую квартиру на эту раннюю бесцельную прогулку в темноте!

– Ты сейчас с Августом дела ведёшь. Мне с ним переговорить надо.

Причём здесь я? Я молчал, ждал продолжения речи.

– В ночь прибыл дан-на-тас. Я знаю, прадед ещё не встречался с лесными. Я хотел его предупредить об опасности. Бриана тоже видит сокровище, пусть иначе, чем твоя Аня.

Я задумался. С одной стороны Денисович втягивает нас в авантюру, с другой он же и помогает.

Славик топтался на месте как усталый верблюд на привязи у южного фотографа – замученный, измождённый, ковырял носком сапога снег.

– Попробую, – решил я.

Мне было известно, Денисович сейчас не живёт в старом доме. После визита лесных не появляется в фотоателье. Но в столь ранний час я представлял, где его можно застать. От Марата я знал о небольшом кафе, доступном только городским. Там Владыка любил коротать предутренние часы. Поэтому я просто позвонил Августу и попросил о встрече.

Быстрым путём через минуту я вывел Славика на узкую улочку за универмагом, где ютилось безымянная кафешка.

Будь я простым человеком, увидел бы заставленные фанерой и выцветшими агитационными плакатами окна детского клуба, закрытого, полагаю, в годы юности моей бабушки. Обладателю эльфийского зрения льдисто сияли широкие стеклянные витрины с движущимися фигурками, яркой рождественской анимацией. Поговаривали, местного кофейного мастера Август выписал аж из Вены. И терпкий аромат кофе, витал в воздухе у самой двери, не позволял усомниться в слухах.

На двери закачались игрушечные мишки, зазвенел колокольчик, и мы окунулись в волшебный мир изящных скульптур из пирожных, душистой выпечки, одуряющих ароматов кофе,

разноцветного чая в высоких прозрачных чайниках, сверкающих вазочек с вареньем, джемом и мёдом...

Визит Славика в моей компании никого не обрадовал. Я буквально чувствовал цепкие крючки чужого внимания, хватавшие нас за одежду и волосы.

– Предатель!

– Как он посмел явиться!

– Нашли кого позвать! – неслось нам вслед недовольное ворчание.

Август Денисович завидел внука, как ни в чём не бывало, приветственно привстал из-за стола, поманил рукой официантку, заказывая нам чай и слойки с джемом. А затем вопросительно уставился на меня, точно я был единственным источником информации.

– Э-э, – я не нашел что сказать и пнул Славика локтем.

Денисович медленно повернул голову, точно впервые увидел перебежчика. Знаете, мне даже стало жалко учителя. Он, конечно, не самый лучший эльф и человек, но ради спасения, скажем, Анютки и даже Эльки, я мог поступить ровно так же, как он ради Брианы.

– Слушаю, – спросил Владыка спокойно. А сам испытующе так смотрел, хитро, точно что-то задумал.

– Бриана видит недавнее прошлое, – не стал томить нас Славик. – Ночью у неё было видение. Инар звал запретные силы. А ещё Инар говорил с головешником со сталелитейного завода.

– Повсюду предатели, – многозначительно заметил Владыка городских.

– Э, с тем головешником, который нам охранные амулеты-непотеряйки делает? – обомлел я.

Марат нам такую рекламную кампанию этих штуковин провёл, что мы только на них и надеялись до сего дня. Выходит, полезем в крысиные норы холмовиков на свой страх и риск? Не хочу! Не буду! И девчонок не пушу!

– У тебя всё? – уточнил Август у внука.

– Да, – Славик нехотя встал со стула, но прадед повелительным жестом усадил его обратно.

Брови Денисовича нахмурились, острый взгляд царапнул внука.

– Я встречаюсь с Инаром через полчаса. Навестишь посольство. Дан-на-тас сейчас беззащитен, ибо лесные по городу ходят сообща. Пронесёшь во внутрь и спрячешь в укромном углу вот это.

Из нагрудного кармана главы городских вылетело нечто круглое, мохнатое, чёрное и благополучно шлёпнулось в ладонь Вячеслава. По тому, как изменилось лицо моего учителя, я сообразил, штука нехорошая.

– Наши тебя не тронут, – великодушно обрадовал его хитрый старик.

Я окончательно убедился, Славик пришел мириться, ибо тяжело жить без родных, чужим всем и каждому.

– Я сделаю.

Мой учитель встал и поспешил к выходу, подталкиваемый чужой неприязнью.

– Жалко? – поинтересовался у меня Денисович, пододвигая ко мне не тронутую внуком чашку и слойки на блюдечке. – Не жалей. Город его не простит, но на задворки пустит. Сейчас ему запретны наши быстрые пути, перекрыт доступ к информации. За исключением зрения и возможности пользоваться Верхним путём, он обычный человек. Чего лишил его лес, не моего ума. Бриану не приняли, Инару приказали отказаться от перебежчика.

Он пил чай, закусывал крошечными булочками с кремом. Кафе наполнялось новыми городскими. А я гадал, чего мне ждать от математички за прогулянный урок, и перспективы меня пугали. А ещё я размышлял над изменой головешника. И изменой ли?

– Женья, иди учи́сь, – посоветовал Август Денисович. Он не захотел отвечать на мои вопросы.

Я подхватил с блюдечка последнюю слойку, очень вкусную, кстати, накинул на плечо лямку рюкзака и вышел в тёмное утро напрямик на площадь перед городской администрацией. Идти черпать знания расхотелось. До урока ещё двадцать минут, авось всё интересное случится именно сейчас?

Площадь Победы встретила меня утренней суетой. Работницы администрации напояженные, надушенные, в элегантных пальто, при причёсках выныривали из автомашин, на худой конец из общественного транспорта и скользили к высоким дверям своей престижной работы. Ни одна из них не замечала над зданием три стеклянных шара один больше другого и сияющую даже в пасмурную погоду ленту Пути.

Прохожие, сами того не понимая, огибали площадку вокруг фонтана, на месте которого сейчас высилось двухэтажный круглый шатёр, укутанный изумительно красивыми ткаными коврами и богатыми шкурами – дан-на-тас, летающее посольство.

У входа в убежище лесных под двумя пылающими синим пламенем факелами переменились с ноги на ногу два охранника с голыми торсами. Горами перекачивающихся под кожей мышц они напомнили мне арм-рейстлеров, бои которых я несколько раз смотрел по спортивному каналу. Такие не то, что подкову бантиком завяжут, из рельсов кружева согнут!

Славик бледной мышкой торчал на автобусной остановке в самом дальнем краю площади и следил за посольством через дорогу. Интересно, как он внутрь полезет? Ясно, не через парадный вход.

Меня он скорее почувствовал, чем заметил, обернулся. Я неуверенно подошел.

– Женья, бежал бы ты отсюда...

Я промолчал. Тем временем в округе мигнули и угасли фонари, померкли окна домов, лишившись электрической подпитки, встал троллейбус. А из посольства выбрался эскорт в пару десятков чародеев. За ними под бледный свет факелов выскользнула Ли-дви-ра. Эту мадам я бы узнал из тысячи.

В шикарной белой шубе, в шапке со смешными кошачьими ушками она прошествовала вперёд, мимолётно отметила нас, оскалилась, мне почудилось – вот-вот зашипит, как наша Мисти иногда. Но не тронула, отошла в сторону, пропуская вперёд нечто мохнатое, невозможное в нашем мире – снизу человека, а сверху – меховую гориллу с динозавровым гребнем через всю спину.

– Инар-ши-ван! – ахнул потрясённый Славик. – Угадала Бриана!

– Что угадала? – я привстал на цыпочки, но снующие туда-сюда люди и машины мешали мне рассмотреть Владыку лесных во всех подробностях.

– Он теперь навсегда в боевом облике застрял! – пояснил мне информатик.

Мы дождались, пока цветастая компания рассядется по машинам и отправится к месту переговоров. Славик сверился с часами на руке и на здании администрации. Их табло показывало, что через пять минут начинается первый урок.

А Славка не дождался зелёного сигнала светофора, рванул с места, лихо лавируя между мчащимися машинами. Проезжую часть пересёк уже не человек, а некое существо на четырёх лапах, с шипастой спиной, покрытой серо-бурой шерстью.

Я ждал. Мне было всё равно, что учудит внутри Славик, но вид лесных настораживал. Не должны они были прилетать.

Аня молчала, затаилась, оберегая свои сердечные дела от всех, о Ване ни слова не проронила. Мне же не терпелось познакомиться с причиной несчастий моей сестрицы и наших неожиданных приключений. Он хоть в курсе, что откопал, археолог домашнего разлива?

Тем временем двухъярусное посольство вдруг вздрогнуло всем ковровым покрытием, расправилось, точно помятая шляпа, нарастило ещё шесть ярусов.

Охранники у входа никак не отреагировали на метаморфозу, и я чуть расслабился. Оказывается, я переживал за Славика. Как-никак учитель, бывший друг, бывший Анин кавалер... Я тянул шею вверх, пытаюсь рассмотреть происходящее на другом конце улицы. И поэтому чуть не получил инфаркт, когда позади противенько, точно заранее решив, кому первому наябедничать про мой прогул, зазвучал голосок Светки-Язвы.

– Шу-укин, как ты мог не появиться на математике?

– А ты что тут забыла? – возмутился я в ответ.

– Я в поликлинике кровь сдавала, – с достоинством ответила Светка Крылова. – У меня справка есть!

– Заразная что ли? – не удержался я.

Нашла, когда отвлекать на самом интересном!

Я снова уставился на дан-на-тас, точно Светки не существовало, но разве Язва невниманием лечится?

– Шукин, я смотрю, ты окончательно распоясался, – с интонацией, достойной Надечки Кушиной, возмутилась всезнайка. – Даже твоя Эля присмирела, для класса полезные дела соизволит делать, а ты что?

Это что-то новое. Чтобы Светка тренировала властные замашки? Может, её каким-нибудь эльфийским заклинанием зацепило?

– У меня отпуск от общественно-полезной деятельности, – фыркнул я и замер с разинутым ртом, ибо лента Верхнего Пути над площадью Победы выгнулась вниз, подхватила дан-на-тас, как скакалка неудачливого спортсмена, подкинула на более высокий уровень небесной дороги и потащила прочь. А на освободившейся площадке остался стоять Славик в образе дикого невиданного зверя. Вот честно, будь у меня с собой пряник, не пожадничал, подарил бы за такой поступок!

Информатик рысцой помчался к дорожному переходу, где уже предупреждающим огнём горело зелёное око светофора, пристроился в последний ряд спешащих от остановки горожан, и сам стал видимым, вполне реальным человеком. Он пересёк улицу, с широкой улыбкой подошёл к нам, кивнул Светке, хлопнул меня по плечу.

– Молодец, что подождал. Теперь можно за знаниями до школы прогуляться.

Он заговорщически подмигнул Крыловой, и Язва растерянно нахмурила лоб: лишний раз доказать своё превосходство не вышло. За это я искренне улыбнулся Славику. Может, он не такой плохой, как я о нём думаю? Ну, увлёкся спасением Брианы, подставил меня с девочками, чуть не погубил. М-дя, у всех нас свои недостатки.

На первый урок мы сильно опоздали, но Славик умудрился даже этот вопрос с математичкой уладить, за что ему не один, а целых два пряника полагается. Жаль, присутствие Язвы помешало выспросить, что же такого совершил наш скромный школьный информатик.

Зато на сегодняшнем занятии я ловил на себе задумчивые взгляды Язвы, и это бесило Эльку.

– Почему она к тебе привязалась? – Тихонова накинулась с расспросами на первой же перемене.

– Влюбилась. Физик уже не кумир умных девочек, – я попробовал отшутиться. Но Элька не отставала, и пришлось пересказать утренние события.

– Эта не отвяжется, – предупредила она в конце рассказа, – будь осторожен, когда чудишь.

Я и сам понимал. Роль школьной ведьмы и по совместительству доморощенной нечистой силы принадлежала Тихоновой. Испарись Элька на уроке или превратись в дикобраза со щупальцами и павлиньим хвостом, подозреваю, никто бы не удивился сверх меры. У Тихоновой даже прозвище – Радиоактивная, что с неё возьмёшь? Моя кудрявая подруга всячески

подпитывала слухи о себе, держала марку, «обновляла имидж», периодически сталкиваясь с кем-то в классе или в параллели.

До появления такой яркой одноклассницы я слыл «парнем без причуд», «зубрилкой» и «ботаном». А теперь всё сильнее замечал перемену отношения ко мне одноклассников и сам менялся. Но чтобы прилюдно чудить... Ни-ни. Меня же мама с бабушкой съедят!

Я думал об этом ровно до четвёртого урока. Я честно не желал ни во что впутываться. А началось всё на двенадцатой минуте занятия, когда Стёпка Дохлый Фунтик с замогильными интонациями цитировал перед Елизаветой Арсеньевной, нашей учительницей литературы, стихотворение Заболоцкого – что-то про смерть и дерево.

Как раз тогда запертая с момента каменного века дверь стенового шкафа шумно распахнулась, подняв облако пыли и паутины.

Вначале из недр древней свалки с грохотом вывалилось пустое ведро, а следом за ним, заставив онеметь всех присутствующих, выбралась Ли-дви-ра при полном параде: в шубе, украшенной веткой живого вьюна, с мечом наголо, в сапогах с клинками на носках...

– Ты!

Я вжался в парту, ибо лесная направилась ко мне. Мамочка вернее, Валентинушка – мой ручной демон, спасай!

Потрясённая учительница полузадушенной рыбой беззвучно открывала и закрывала рот. Не растерявшийся Фунтик вынул из кармана мобильный телефон и бессовестно фоткал, как лесная выдернула меня из-за парты и поставила рядом с собой. Остальные безмолвствовали.

– Ты был там! След вёл к тебе, – рычала Ли-дви-ра, и на красивом лице отчётливо проступали кошачьи черты. – И к тебе!

Разведчица махнула мечом в сторону Язвы.

– Пойдёте к князю на допрос!

Только тогда учительница отмёрзла от стола.

– Кто вы такая? Почему с холодным оружием? Как охрана...

Ли-дви-ра искривила уголки рта, косо глянула на Елизавету Арсеньевну, и изо рта у той посыпалась клюква. Учительница плевалась, открывала рот, и алые шарики один за другим падали на стол, раскатывались в разные стороны, стукались об пол. Сок от раздавленных ягод стекал по подбородку женщины и капал на белую блузку, точно кровь.

– Знаешь, что тебе Валентин сделает, если Женьку обидишь? – вскочила из-за стола Элька. – И я кое-что умею!

Ли-дви-ре было плевать на её гнев. Она направилась к шкафу, я как привязанный пошел следом. И Светка тоже. Вот ведь угораздило! Я даже Вику Шелег согласен взять в компаньоны, только не Светку Крылову!

Ли-дви-ра исчезла в шкафу, для всех просочившись сквозь стену. За ней я вывалился в завьюженный проулок. «Язва же не умеет ходить быстрым путём», – подумал я за миг до того, как Светка оступилась и повалила меня в снег. Я-то хоть в рубашке и свитере, а моя надоедливая одноклассница в тонком платице с коротким рукавом.

– Шевелись! – Ли-дви-ра неприятно ткнула меня ножами в бок.

Светка, надо отдать ей должное, в истерику не впала, сползла с меня, поднялась и разразилась долгой триадой про права человека и законы о защите детей. Родители адвокаты и дядя прокурор не прошли даром.

Лесная не реагировала на неё, отступила на шаг в сторону и заплясала в колдовском танце. Лезвие меча то вчерчивало знаки на не тронутым следом снегу, то порхало в воздухе, и тогда с его острия стекал разноцветный огонь.

Я же соображал, что теперь будет в классе, как врать учителям и одноклассникам. И как вообще выпутываться? Нет, об этом после, если безумная лесная и её горилла-князь живьём отпустят.

Однако, холодно. Интересно, Язва мороз чувствует, или её возмущение греет? Главное доказать правоту?

– А ещё есть конвенция ООН... – Крылова старалась постоянно быть лицом к похитительнице, и я начал переживать, как бы у Язвы не закружилась голова.

Мобильник, естественно, в присутствии лесной отключился. Бежать было некуда. Слева сплошная коричневая стена двухэтажки. Справа закрытые деревянными ставнями окна старинного особняка, явно нежилого. Позади высокий деревянный забор.

Ли-дви-ра размахивала мечом и выделявала акробатические трюки так, что выпускники Шаолиня и самураи отдыхают. Одно время я увлекался азиатскими фильмами про драки и единоборства, то есть «беспощадным мордобоем» по мнению бабули. Там куда хуже мечами размахивали.

Световые линии в воздухе сложились в объёмный рисунок исполинской бабочки. С громким «Йех!» лесная вонзила лезвие в снег и замерла. Бабочка дрогнула, обрела плоть, проявилась на видимом всем уровне, ибо даже Светка заткнулась, беспомощно распахнув рот.

Крылья сияли ядовито алым, синим, желтым и зелёным. Насекомое выпустило лапки. О, нет, не лапки, настоящие клешни. Те обхватили нас за талии и рывком вздёргнули над землёй, чуть не переломив пополам. Светка завопила, задёргала ногами, замолотила руками в воздухе. Зато Ли-дви-ра подпрыгнула, оседлала насекомое, и мы полетели.

Подъём над домами дался тяжело. Бабочку мотало, она то и дело норовила рухнуть вниз, и только магия лесной не позволяла ей это сделать.

Мы поднялись над заснеженными крышами, внизу теплились окна, нам же в лицо хлестал снег. Но странно – холод отступил, остался где-то за границей мощных крыльев. Наш транспорт выровнял курс параллельно с лентой Пути и направился к центру.

– А-а-а, – в ужасе вопила Светка. В такт её дёрганьям насекомое периодически качало.

– Свалимся, Язва, прекрати! – не удержался я.

Ли-дви-ра поступила проще, стукнула Крылову по спине ножами, и Светка безвольной тряпочкой повисла в клешне.

А бабочка отклонилась от Пути, шлёпнула нас на крышу драмтеатра и растаяла. Лесная упала впереди нас, согнулась перед Владыкой в раболепном поклоне. Я же поспешил встать. Не склонять же голову перед лесным чудищем!

Седеющий, усушенный Кинг-Конг скалил клыкастую пасть, то ли приветствуя, то ли пытаясь продемонстрировать собственные успехи по уходу за зубами.

– Женья Шукин, – прорычал он, прищёлкнув когтистой лапой. За спиной Инара-ши-вана заволновалась многоликая свита, зашептались цаплеголовые люди и обряженные в парадные шелка совы, куницы и тритоны.

Услужливая лесная швырнула меня на снег к ногам Владыки, но я всё равно выпрямился.

– Дерзкий, – оценил Инар-ши-ван. – Смотри в глаза.

Я подчинился. Не стоило злить клыкастое чудище, способное перекусить тебя единым махом. На вегетарианца босс лесных не походил.

– Он ни при чём, – разочаровался лесной князь. – Всё Са-а-ар, к которому нам нет пути. Девочку покажи.

Светку пришлось тащить силком. Истерика прекратилась, но была готова возобновиться в любой момент. Губы Крыловой тряслись, по щекам проложили ручейки слёзы. Вот её накрыло! Хотя меня при первой встрече с Валентином трясло не меньше.

– Эта вообще человек, – презрительно отодвинулся от неё Инар-ши-ван. – Непосвящённая в тайны.

Лесной зевнул.

– Улетаем, – бросил он свите. – Ли-дви-ра, я тобой недоволен.

– Вот ведь! – совсем по-человечески топнула ногой лесная, когда Владыка и компания один за другим садились в припаркованную у ската крыши длинную ладью и медленно и величественно отчаливали, исчезали с глаз с круговерти метели. – Вечно с вами проблемы, смертные!

Ли-двиг-ра сиганула с крыши, оставив нас со Светкой на растерзание усилившемуся морозу.

Холод вернулся резко, едва эльфийка спрыгнула вниз, вцепился в кожу, потянулся к костям.

– Тебя Валентин в сахарном сиропе сварит! – бессильно выкрикнул я. Голос потерялся в завывании выюги. В свитер набилось снега, и он стал твёрдым и скрипучим.

Так, надо что-то делать, иначе мы с Язвой помрём здесь, и наши окоченевшие трупы по весне смоем капелью.

– Очнись, шевелись! Попрыгай! – затормошил я притихшую, скрутившуюся в клубок Светку. – Я что-нибудь придумаю!

– Что т-ты п-прид-думаешь? Т-ты с-с ними з-з-заод-дно! Это т-ты нас з-завёл с-сюда! Т-ты!

Нет, это уже хамство. Я завёл? Кого винить, так это Славика с Денисовичем, но никак не меня.

– Тихо! Вниз мы не спустимся, – размышлял я вслух. – Здесь крыша неровная, навернётся и всё. До людей не докричишься. Махать руками бесполезно.

Ещё бы. Под снегом гололёд, все ходят, только под ноги смотрят, как бы не расшибить коленки. Какой дурак голову задирать станет?

Люк на чердак не просматривается. Есть ещё трёхугольный фронто́н театра. Будь я белкой, мог бы взобраться наверх и дотянуться до ленты Пути. А там попробовать задержать какую-нибудь заваливающую лодочку. Но видать «ручеек» у нас попался не судоходный или зачарованный. За всё время только корыто Владыки проплыло.

Я попрыгал, потёр руки, уши. Холодно! Даже не так. **ХОЛОДНО!**

– Вот они!

Голос Эльки прозвучал как отклик на мои мольбы.

На крышу спускалась белая, украшенная чёрными рунами по окоёму борта, длинная лодка. У штурвала стоял Август Денисович собственной персоной. А через борт с высоты четырёх метров отважно спрыгнул Валентин, на лету сорвал с плеч мохнатую шубу, укутал Светку, пошептал, покрутил вокруг замороженной Крыловой тростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.